

– Я... послушайте, это может показаться странным... – наконец выдыхаю я, прекрасно сознавая, что моя просьба действительно покажется им весьма странной, но я и понятия не имею, как показать им, что это действительно очень важно для меня. – Я хотел бы попросить устроить для меня встречу кое с кем... с Джинни Уизли, с вашей сестрой. Одну встречу, ничего больше. Я... я хотел поговорить с ней об одной вещи, по правде сказать, уже давно, но она будто бы никогда не бывает одна...

Слова вылетают неправильно, совершенно не так, как должны бы, и я останавливаюсь, замолкая. Близнецы обмениваются быстрыми взглядами, ничего не отвечая, и я с запозданием понимаю, что только что дал лучшим шутникам Хогвартса прекрасную возможность над собой посмеяться. Не то, чтобы я мог теперь это изменить.

Я с досадой поднимаюсь на ноги, решив бросить эту пустую затею, когда меня останавливает ровный голос Фреда.

– И как ты собираешься добыть для нас сок непенфа?

Я пожимаю плечами, возвращаясь на скамью рядом с ними.

– У меня есть доступ в теплицы, я смогу свободно пробраться сюда, в отличие от вас. А потом, ловкость и немного удачи – это все, что мне потребуется. На непенфа в любом случае не действуют почти никакие заклинания, если вы считаете, что смогли бы сработать лучше меня.

Близнецы останавливают на мне долгие взгляды, явно не слишком-то прельщенные этой идеей, и я не могу понять, что не так.

– Значит, ловкость и немного удачи – все, что тебе потребуется, чтобы подобраться к смертельно опасному растению-убийце, и ты сделаешь это, не раздумывая, ради единственного свидания с малышкой Джинни, – подводит итог Джордж, ухмыляясь, и я отвожу взгляд в сторону. Но оказывается, Джордж не собирается унижать меня, его голос неожиданно становится серьезным: – Прости, но нет, приятель, мы не можем заключить такого рода сделку. Как ты сказал, слишком опасно, не стоит того. Кем бы ты нас не считал, но мы знаем, где остановиться, и похоже, что это как раз тот случай. Того добра, что у нас теперь есть, и так хватит на десяток новых фокусов.

Он подмигивает мне, и оба близнеца поднимаются на ноги, собираясь уходить. Я остаюсь там, думая о том, что все, в сущности, неплохо. Рано или поздно я найду способ поговорить с Джинни с глазу на глаз и без посторонней помощи, на это просто уйдет больше времени. По крайней мере, близнецы не подняли меня на смех и, похоже, довольно легко восприняли всю эту ситуацию и больше не собираются лезть на рожон.

– Да, кстати, Гарри, – бросает Фред через плечо, оборачиваясь ко мне, когда они уже делают несколько шагов к выходу из теплицы. – Если ты действительно просто хочешь застать Джинни одну, зайти как-нибудь в советню. Видит Мерлин, она бывает там почти каждый день.

Я ошеломленно моргаю, затем киваю, и Фред широко улыбается мне, а Джордж подмигивает. После этого близнецы выходят за дверь, в клубящийся морозный воздух, и за запотевшими стеклами мне ничего не видно, кроме их размытых рыжеголовых силуэтов, но затем и они скрываются в пелене сияюще-белого.

Винтовая лестница уходит все выше, я отсчитываю ступени, которые становятся все более скользкими от покрывающего их тонкого слоя льда по мере приближения к башне. Я переступаю очень осторожно, стараясь не полететь ненароком. При моем появлении совы сонно моргают и расправляют крылья, некоторые из них лениво перелетают на другие насесты, пока я пробираюсь к подоконнику и присаживаюсь на него, оглядывая окрестности замка, раскинувшиеся далеко внизу, и точки одетых в форменные мантии студентов, чернеющие на фоне белого снега. Совы ухают, глядя на меня с ожиданием, и я испытываю некоторые угрызения совести при мысли о том, что, наверное, мог бы и захватить для них совиных крекеров, раз уж решил засесть здесь в засаде надолго.

Я не знаю, может быть, это просто очередная шутка близнецов – сказать мне, что Джинни часто бывает в совятне, просто чтобы я посидел здесь час-другой, кутаясь в теплую зимнюю мантию от пронизывающего ветра и выжидая. Но я решаю, что попытка стоит усилий, у меня все равно нет идей лучше.

Не знаю, сколько проходит времени, пока я сижу там, глядя из башни вниз, на окружающие замок холмы, укрытые снегом и уходящие вдаль, покуда хватает глаз. Я умею ждать. Одна из птиц нагло садится мне на плечо, очевидно, перепутав мою неподвижную фигуру с насестом. Я раздраженно скидываю сову прочь, и она ошеломленно бросается в сторону, хлопая крыльями. Сова чем-то похожа на Вильгельма, отмечаю я, и неожиданно думаю о Хейли, которой его оставил. Она могла бы написать мне письмо, если бы знала, что совы доставляют письма. Или я мог бы написать ей. Я невесело усмехаюсь, отгоняя мысль прочь. В любом случае, что я мог бы ей написать? Что я здесь, в волшебном замке на границе с Шотландией, что у волшебников не бывает телефонов, поэтому я отправляю ей сову?

Я скучаю по ней, конечно же, скучаю, глупо было бы это отрицать, думаю я, откидывая голову на каменную стену и закрывая глаза, позволяя пронизывающему ветру лизать открывшуюся шею, проникать под слои одежды, потому что холод снаружи все равно слабее, чем холод внутри. Хейли была моим единственным другом там, в Литтл Уингинге, даже если ей казалось, что это может стать чем-то большим. А теперь я словно потерял и ее, потерял наши беззаботные дни на берегу озера, с прыгающими по воде гладкими камешками и разговорами ни о чем, потерял уютные вечера в городском парке, когда можно было смотреть на блики вечерних огней и не говорить друг другу ничего, потому что слова, они не всегда настоящему нужны. Но что я мог бы ей написать? Что все так запуталось, и я не знаю, где мне теперь мое место? Что я никогда не вернусь обратно на Тисовую улицу, потому что с Дурслями случилось несчастье?

Дурсли, вспоминаю я с уколом совести, тупым, как вязальная игла. Я не позволял себе по-

настоящему думать о них с тех самых пор, как попал сюда. Это было несложно, учитывая, сколько других эмоций навалилось на меня с тех пор, как я переступил порог замка впервые за долгие годы. Я не смел возвращаться мыслями в тот день, когда моя маггловская жизнь разлетелась на куски, я отмахивался от этого, словно это не имело значения, хотя оно имело, конечно же, имело, говорю я самому себе. Дурсли, моя нелюбимая семья, были теми, кого я не смог спасти. Теми, кого я потерял, будучи полностью в ответе за себя в этом новом мире, будучи сильным и отдающим себе отчет, я не сумел спасти их и даже не уверен, не был ли я сам, со своей своенравной магией, причиной той аварии. Они первые здесь, в этой действительности, кого я по-настоящему потерял, первые, кого я проиграл, несмотря на то, что дал когда-то себе обещание, что никто больше не умрет, вот почему это так больно.

Я думаю о судьбе, о которой говорил Фиренц, которая тащит меня вперед, избивая о камни, к какой-то одной ей ведомой цели, даже когда я этого не желаю. Я спрашиваю себя, было ли моей судьбой снова оказаться здесь, в Хогвартсе? Остались бы в живых Дурсли, если бы я подчинился с самого начала, если бы послушался и пошел с Дамблдором четыре года назад, когда он заявился на Тисовую улицу, чтобы вернуть меня обратно в Магический мир? Станет ли все только хуже со всеми этими недобрыми предзнаменованиями, расползающимися вокруг меня, словно чумные пятна, пытались ли кентавры сказать мне своими туманными фразами, что моя судьба – это терять, снова и снова, до тех самых пор, пока весь мир вокруг меня вновь не сгорит и не рассыплется в прах?

Я стискиваю руки в кулаки, содрогаясь всем телом, силой заставляя себя перестать думать об этом. Пустые вопросы без ответов, я должен отучить свой внутренний голос играть в эти игры, это не ведет ни к чему хорошему.

Закат постепенно догорает в сумерках, на Хогвартс и его окрестности опускается вечер, морозный, но безветренный. В замке сами собой вспыхивают волшебные огни, озаряя все своим мягким обволакивающим светом. Я решаю покинуть совятню и спуститься вниз, вряд ли Джинни придет сюда в такое время, мне лучше попытать счастья завтра. Продвигаясь к выходу из совятни, я все еще хмурюсь, злясь на себя за то, что позволил своим мыслям зайти так далеко, что потерял те жалкие остатки душевного покоя, которые мне удалось в последнее время обрести.

И я, наверное, просто слишком глубоко теряюсь в своих мыслях, потому что выходя из совятни, совершенно не замечаю человека, который появляется в это время мне навстречу. То, что это совершенно точно не Джинни, я могу сказать практически сразу: я сталкиваюсь с кем-то примерно одного роста со мной и той же весовой категории, и удар от столкновения оказывается достаточно чувствительным. Восстановив равновесие, я вскидываю голову, сталкиваясь глазами с тем, в кого врезался в полутьме, и едва удерживаюсь от разочарованного ругательства. Конечно же, кто еще это мог быть.

Он быстро оправляется от испуга, вызванного неожиданным столкновением, и направляет на меня свою волшебную палочку.

– Так-так-так. Маленькие сквибы ходят ночью по школе, совсем одни? Будь осторожен, Поттер, – он понижает голос. – Тут такие скользкие ступени. Что угодно может случиться.

- Ты мне угрожаешь, Малфой?

- Напротив, предупреждаю тебя, – ухмыляется он.

Я складываю руки на груди, чувствуя усталость.

- Мы уже проходили это, разве нет? Я не нуждаюсь в твоих предупреждениях.

Я пробую уйти, но Малфой преграждает мне путь. Он упрямо качает головой, упираясь волшебной палочкой мне в грудь, и по какой-то причине он по-настоящему зол, хотя я не понимаю, с чего ему так злиться на меня, я ведь ничего не сделал ему, я и пальцем не тронул Малфоя с тех пор, как оказался здесь. Я неосознанно напрягаюсь и чувствую, как напрягается скрытая под мантией Силенси, плотнее обхватывая мою руку своим упругим телом.

- Нуждаешься, Поттер, просто отказываешься это признать. Ты можешь расхаживать по замку, задрав нос, делая вид, что ты равен волшебникам, спасать маленьких глупых гриффиндорцев и чувствовать себя героем, но мы с тобой знаем правду, ты и я. Мы оба знаем, что ты просто маленький бесполезный сквиб и что тебе здесь не место.

Последние слова достигают цели, хоть я и говорил себе, что он не сможет меня достать. Я стискиваю зубы, бросая короткий взгляд на его волшебную палочку, упирающуюся мне в грудь, а потом снова сталкиваюсь с Малфоем глазами.

- Я не боюсь, вот что тебя так бесит, да? Я сквиб, а ты – потомственный чистокровный волшебник, староста Слизерина, блестящий студент, лучший на своем курсе, – я говорю все это с издевкой, словно выплевываю оскорбления, и к обыкновенно бледному лицу Малфоя приливает кровь. – Но я не боюсь тебя. И что нам с этим делать, скажи мне, Малфой?

Он не отвечает, и я медленно поднимаю руку, не ту, на которой сидит Силенси, другую, потому что не желаю рисковать, и отвожу в сторону его руку с зажатой в кулаке волшебной палочкой. Рука Малфоя холодная и дрожит под моими пальцами, и он сам весь трясется, его лицо искажается судорогой от внутренней борьбы, а в глазах бешенство, и я слегка задерживаю дыхание, не зная, чего ожидать. Уйдя из под прицела волшебной палочки, я обхожу Малфоя по кругу, тоже медленно, и оказавшись к нему спиной, ускоряю шаг, думая, что с него станется запустить заклинанием мне в спину. Но он этого не делает, мне в спину летят лишь оскорбления и угрозы, а они не могут причинить вреда.

- Клянусь, Поттер, ты перестанешь путаться у меня под ногами, и ты проявишь уважение! – кричит Малфой в бессильной ярости, его голос гулко разносится по башне. – Ты пожалеешь, придурок, если еще раз свяжешься со мной, если продолжишь воображать, что за тобой есть какое-то превосходство! Я прокляну тебя, видит Мерлин, в следующий раз я прокляну тебя, как следует, будь уверен!

Я направляюсь не в свою комнату, а на кухню, потому что пропустил ужин, сидя в совятне.

Неизменно приветливые эльфы приносят мне горы снеди и большую чашку горячего чая, чтобы согреться после долгих часов, проведенных на холоде.

Покончив с поздним ужином, я возвращаюсь к себе, обмениваюсь привычными ругательствами с Обероном и заваливаюсь на кровать, странно расстроенный. Я не понимаю, как Малфой, да и Рон тоже, как они оба могут настолько ненавидеть кого-то лишь за то, что он не вписывается в их привычную картину мира. Я не пресмыкаюсь перед Малфоем, вот почему он так одержим идеей, что должен сломать меня. Я не нуждаюсь в жалости Рона и не признаю его авторитета, вот почему он хочет, чтобы я просто убрался из его жизни. Но это их проблемы, не мои. Их проблемы, что я так не подхожу к маленькому уютному миру, который они выстроили вокруг себя и в котором чувствуют себя королями, и черта с два я буду забивать себе голову еще и этим.

Засыпая, я думаю о Джинни, думаю о том, как мы наконец встретимся и что я собираюсь сказать ей, когда увижу, но каким-то образом слова звучат неправильно даже в моей голове.

<http://tl.rulate.ru/book/36380/799854>